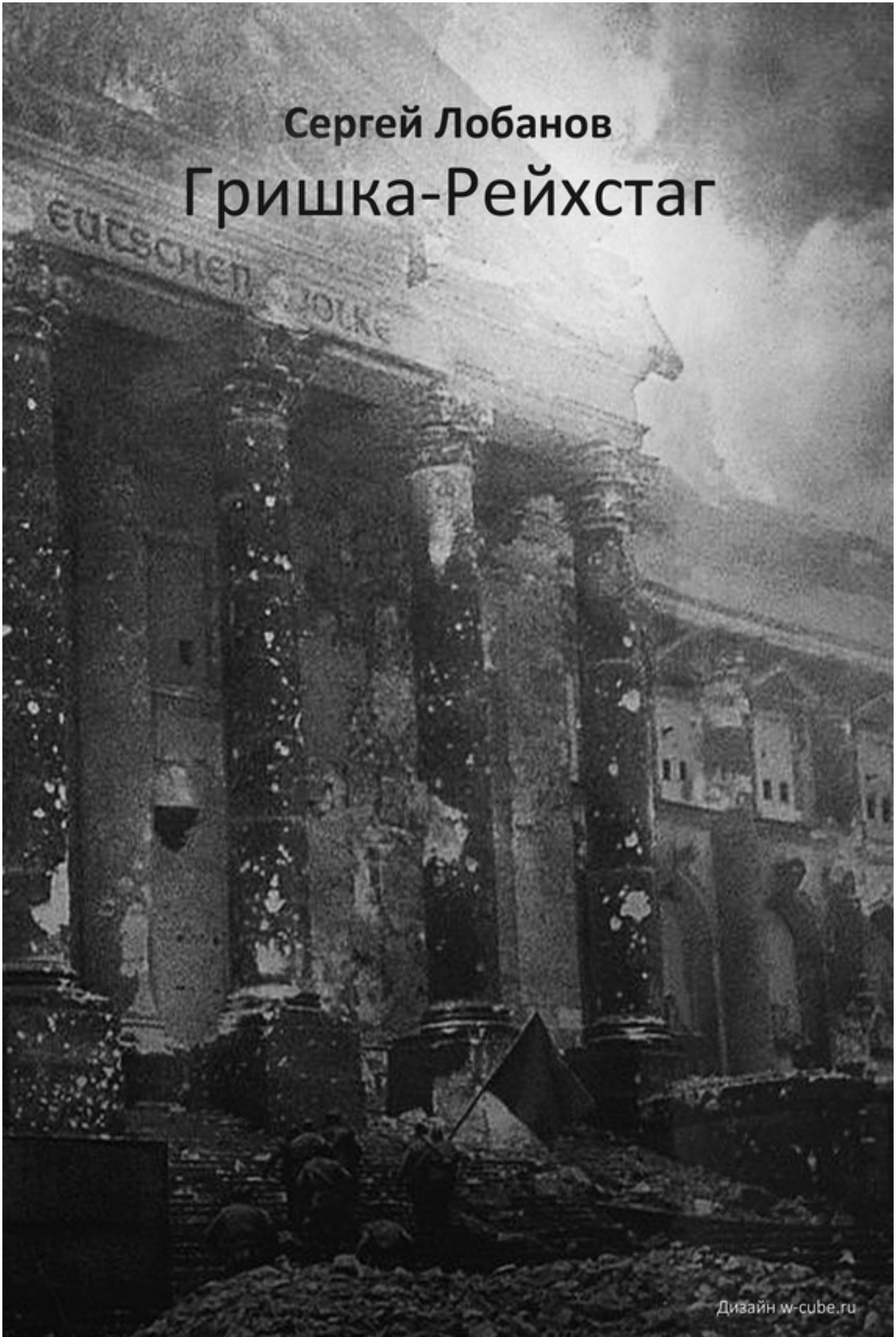

Сергей Лобанов

Гришка-Рейхстаг

Дизайн w-cube.ru

Сергей Лобанов

Гришка-рейхстаг

«Автор»

2013

Лобанов С. В.

Гришка-рейхстаг / С. В. Лобанов — «Автор», 2013

Весной 1945 года на здании Рейхстага советские воины водрузили Знамя Победы.Страшной войне близился конец.До капитуляции берлинского гарнизона оставалась всего пара суток. Но за это короткое время (да и после) погибнет ещё немало людей – и наших, и немцев, и других.У всех нас предки так или иначе прошли через ту страшную войну. Их остаётся всё меньше и меньше. Мы должны помнить о них, какими бы они ни были.К сожалению, вернувшись с войны, многие так и не пришли с неё. Не пришёл и Григорий Булатов, пройдя скорбный путь от Знаменосца Победы до уголовника, алкоголика и самоубийцы.Сколько их таких по всей стране…И всё же без них не было бы нас, нашей Истории.Нашей Победы.Поклонимся – и живым, и ушедшим.

© Лобанов С. В., 2013
© Автор, 2013

Содержание

От автора (вместо пролога) 5
1 6
30 апреля 1945 года. Берлин 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Сергей Лобанов
Гришка-рейхстаг

Забытым героям посвящается.

От автора (вместо пролога)

Весной 1945 года на здании Рейхстага советские воины водрузили Знамя Победы.

Страшной войне близился конец.

До капитуляции берлинского гарнизона оставалась всего пара суток. Но за это короткое время (да и после) погибнет ещё немало людей – и наших, и немцев, и других.

Изучая доступные мне архивные материалы и воспоминания участников тех великих событий[1], я с удивлением понял – оказывается, нашлось немало желающих присвоить право первенства водружения Знамени Победы.

Исследователи по-разному относятся к утверждению, что этим человеком является Григорий Петрович Булатов – орденоносец, разведчик, девятнадцатилетний парень, уроженец города Слободской Кировской области.

Не стану давать оценку этим заявлениям.

Скажу лишь только: для меня не так уж и важно, кто стал первым, для меня все они герои.

Я был потрясён трагической судьбой Григория и решил написать об этом, отнюдь не претендуя на историческую и архивную точность. Эта повесть всего лишь мой субъективный взгляд на те события.

У всех нас предки так или иначе прошли через ту страшную войну. Их остаётся всё меньше и меньше. Мы должны помнить о них, какими бы они ни были.

К сожалению, вернувшись с войны, многие так и не пришли с неё. Не пришёл и Григорий Булатов, пройдя скорбный путь от Знаменосца Победы до уголовника, алкоголика и самоубийцы.

Сколько их таких по всей стране…

И всё же без них не было бы нас, нашей Истории.

Нашей Победы.

Поклонимся – и живым, и ушедшим.

Сергей Лобанов

«…Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мёртвым, и живым, —
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья.
Всем миром, всем народом, всей землёй —
Поклонимся за тот великий бой»

Слова: © М. Львов
Музыка: © А. Пахмутова

[1] В работе использованы материалы из открытых источников, в том числе Интернет.

1

30 апреля 1945 года. Берлин

Выстрел угодил «тридцатьчетвёрке» в левый бок. Машина будто натолкнулась на невидимую преграду и остановилась. Из неё повалил чёрный дым с языками багрового пламени.

Из люка наполовину вывалился механик-водитель в чёрном комбинезоне и танковом шлеме, но короткая автоматная очередь не позволила ему выбраться полностью, тело обмякло на броне.

– Фаустник! – звонко крикнул Гришка. – Вот гад! В соседней квартире он! – и рванулся к выходу.

Лейтенант Сорокин едва поспел за ним. Оба выскочили в парадную, быстро сориентировались и полезли в пролом в кирпичной стене, образовавшийся от прямого попадания снаряда. Этот пролом привёл их в соседнюю квартиру. Здесь была такая же разруха, как и в оставленной – просторной, с высокими потолками, большими окнами, выходящими на неширокую улицу, мощённую булыжником.

Троих фрицев, сгруппировавшихся у окна, они увидели первыми и выстрелили из автоматов одновременно. Двоих немцев пули свалили на замусоренный пол, выбили из одежды тучки пыли. Раненые, они слабо ещё шевелились, когда Гришка сходу полоснул по ним очередью.

Третий фриц – молодой совсем, пугливо сжался в углу, безуспешно пытаясь закрыться левой рукой. Бледное мальчишеское лицо сковал страх. Расширенные, наполненные ужасом зелёные глаза уставились на страшных русских, а правая рука непроизвольно отталкивала лежащий рядом «шмайсер», будто мальчишка хотел показать, что больше не будет. Не будет стрелять в русских. И вообще никогда не прикоснётся к оружию.

Пересохшие губы разлепились и с них слетело хриплое:

– Bitte nicht schießen[2]…

Но Сорокин выстрелил.

Пули угодили мальчишке в грудь, выбили пыль из форменной куртки. Его лицо исказила гримаса боли, по телу прошла судорога. Свернувшись калачиком, немец замер рядом с двумя уже мёртвыми фрицами.

– Вот так, сволочи, – удовлетворённо вымолвил Гришка.

– За мной, Булатов! – скомандовал лейтенант Сорокин.

Они по очереди вылезли в окно, напротив которого чадила та самая «тридцатьчетвёрка». Прижались к наружной стене здания, тревожно и быстро осмотрелись.

– Вперёд! – приказал лейтенант и первым побежал к танку.

Гришка поспешил за ним.

У горящей машины они задерживаться не стали, перебежали улицу и запрыгнули в широкое окно, предварительно дав в него по короткой очереди. В комнате, суматошно поводя автоматами, опять осмотрелись.

Никого.

Перевели дух.

– Где наши-то? – спросил Григорий.

---

[2] Пожалуйста, не стреляйте (нем.)

– Здесь где-то, – ответил Сорокин и добавил: – Не наскочить бы на них, а то перестреляем друг друга под самый конец войны.

Григорий промолчал. Он знал, что лейтенант говорит дело. В суматохе уличного боя свои могут перестрелять своих, такое случается.

В соседней комнате послышались осторожные шаги. Но неизвестного выдал предательский хруст битого стекла под обувью.

– Кто?! – крикнул Сорокин, распластавшись вместе с Булатовым на полу, выставив перед собой автомат.

Неизвестный из соседней комнаты крикнул:

– Свои, славяне!

– Двигай сюда! – крикнул лейтенант.

– Да это Витя Проваторов! – довольно улыбнулся Гришка, когда тот осторожно показался из соседней комнаты.

Но лейтенант уже и сам узнал своего солдата.

– Где остальные? – спросил он, поднимаясь.

– Здесь, – ответил Проваторов, опуская автомат. – Все живы, слава Богу.

Появились другие разведчики. От взвода их осталось десять человек.

– Что дальше, товарищ лейтенант? – спросил Виктор Проваторов.

– Известно что – к Рейхстагу надо прорываться.

– Товарищ лейтенант, знамя нужно, – подал голос Гришка.

– Ишь, шустрый какой. Знамя ему. Дойти ещё надо до Рейхстага, – буркнул Проваторов.

А лейтенант задумался не надолго и ответил:

– Вот что, славяне. Знамя полка мы сейчас никак не найдём. Но приказ командования надо выполнять. Можно другое знамя соорудить из красной материи.

– А где ж её взять? – удивился Григорий.

– У фрицев и возьмём, – сказал Сорокин. – Ну-ка, славяне, давай по комнатам. Ищем быстро, не затягиваем, через тридцать минут собираемся здесь. И не зевать: фрицы повсюду. Сверим часы.

Солдаты посмотрели на свои наручные часы. У всех разведчиков они были трофейные, отличного качества, снятые с убитых немцев, и у всех как по совпадению – марки «Dugena», изготовленные «Немецким обществом часовщиков Alpina». Это была наиболее распространённая марка, многие фрицы носили такие часы.

Разведчики вышли из квартиры в парадную и осторожно разошлись по этажам.

На третьем этаже в квартире Григорий увидел двух женщин лет тридцати, пугливо жмущихся к стене. Он вскинул автомат. Женщины испуганно вскрикнули.

– Хенде хох! – скомандовал Гришка.

Женщины торопливо подняли дрожащие руки.

А Булатов, оценивая немок на предмет опасности, насмешливо произнёс на плохом немецком:

– Гутен таг, фрау[3]. Фрицы есть? Дойче солдаты?

– Nine… Nine soldaten[4], – торопливо произнесла одна женщина.

– На пол! – властно скомандовал Григорий и повёл автоматом, дабы немки поняли смысл сказанного.

Те беспрекословно и суетливо опустились на пол, закрыв головы ладонями.

Гришка не зря дал такую команду. Убивать безоружных женщин он не хотел, но и получить пулю в спину от оставленных позади немок он не хотел тоже. Мало ли что у них на уме.

---

[3] Добрый день, дамы (нем.)

[4] Нет солдат (нем.)

Пусть лежат – целее будут, а то не ровён час шальная пуля или осколок в окно залетят. Вон что в городе творится!

А Берлин действительно гудел, накрытый грохотом канонады, разрываемый нескончаемой злой перестрелкой. Немцы дрались отчаянно, защищая свои дома. Сдавались немногие. Большинство предпочитали умереть с оружием в руках, несмотря на то, что война вот-вот закончится. Жить бы и жить. Ведь конец войне! Но нет, они умирали, не желая сдаваться русским…

…В понимании Булатова квартира попалась богатая. Да тут все почитай такими и были. И чего этим сволочам не хватало? Чего попёрлись на Советский Союз? А ещё Гришка понимал, хотя и гнал старательно эти мысли, что там, в его далёком и желанном доме – унылая беднота и ни в какое сравнение она не идёт с этим изобилием. От этого в душе давно поселилось странное раздвоение – да, фашисты они, сволочи, но ведь живут лучше и богаче, нежели советские люди…

В спальне Григорий нашёл то, что искали все разведчики. Настоящая кровать с высокими металлическими спинками, украшенными набалдашниками, стояла у стены. Из-под тёмного узорчатого покрывала виднелся кусок красной простыни, накрывавшей большую толстую перину.

«Домой бы такую кровать, – подумал Булатов. – Мамку обрадовать, а то ведь всю жизнь спит на матрасе, набитым соломой».

Тут же вспомнился отец, похоронку на которого мать получила ещё в сорок втором. Тогда Гришке шёл восемнадцатый годок, он добился своего и ушёл на фронт. На передовую попал не сразу, а уж как оказался на ней, то показал себя молодцом: к тому времени как начался штурм Берлина, у Булатова на груди уже красовался Орден Славы третьей степени и сверкали две медали «За отвагу».

Гришка сбросил две большие белые мягкие подушки на пол, сдёрнул узорчатое покрывало. Сорвал с перины простынь, скомкал её, сунув подмышку, вернулся в комнату, где на полу в прежних позах лежали немки. Они пугливо смотрели снизу вверх на молодого русского.

– Я возьму вот это, – протянув руку со скомканной красной простынёй к немкам, отчётливо проговорил Булатов, будто те могли понять его, говорившего почти по слогам.

Женщины поднялись на колени, опустились на пятки и синхронно закивали светловолосыми головами, продолжая голубыми глазами испуганно смотреть на русского.

– Что киваете? – весело спросил Гришка. – Гитлер – капут?

Немки опять энергично закивали.

– То-то, – удовлетворённо хмыкнул Булатов. – Не бойтесь, скоро конец войне. Поживёте ещё. Ауфидерзейн[5].

Уходя, Григорий краем глаза уловил, как женщины обмякли и почти одновременно заплакали, обнявшись.

Он вернулся на место сбора. Лейтенант Сорокин уже находился там.

– Молодец, Булатов! – похвалил он подчинённого, когда тот показал свою находку.

Вскоре вернулись остальные бойцы. И только один из них держал красную скатерть из какого-то плотного материала, тяжёлую, с кисточками.

– Пойдёт, – сказал лейтенант. – Кисточки оторви. Наматывайте эти тряпки на себя, и выдвигаемся.

Каждый из разведчиков понял, чего не досказал командир: если до Рейхстага не дойдёт один, то второй должен, обязан дойти. Кто-то обязан донести самодельное знамя. Ну, а если судьба распорядится так, что не дойти обоим, то дойдут оставшиеся. Заберут материю и дойдут.

---

[5] До свидания (нем.)

Как только солдаты выпрыгнули из окон первого этажа, то сразу были замечены немцами и попали под миномётный огонь. Тяжело ранило одного. Остальные побежали дальше, отстреливаясь на автоматные очереди немцев. Упал убитым ещё один разведчик – тот, что нашёл красную скатерть, и нёс её на себе. Под плотным огнём фрицев снимать с него скатерть никто не стал. Побежали дальше. Теперь с красной материей на теле оставался один Булатов. Он, вместе с остальными, то залегал, то короткими перебежками перемещался дальше.

Так, бросок за броском, солдаты продвигались к намеченной цели…

…И вот он, полуразрушенный, дымящийся пожарами Рейхстаг – символ и средоточие фашизма в понимании всех советских людей. Обитель зла. Это и есть конец войне. Осталось так мало, и так страшно погибнуть именно сейчас.

Перед зданием раскинулась большая Королевская площадь. День стоял ясный, но солнце скрылось за плотной пеленой дыма, отчего казалось, будто наступили сумерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.